

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН

ВЛАСТЬ БЕЗДНЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш18

Художник — Андрей Липаев

Серийное оформление — Василий Половец

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Шалыгин, Вячеслав Владимирович.
Ш18 Власть бездны : [роман] / Вячеслав Шалыгин. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Бездна XXI).

ISBN 978-5-17-090861-5

Ветеран гуманитарной миссии в Европе Егор Грачев не в состоянии найти себе места в мирной жизни современной России и отправляется контрактником в полуразрушенные атлантами Соединенные Штаты Америки. Вместе с ним в команду попадают его приятель Семен Пасюк, бандит и пройдоха, собирающийся наладить криминальные связи с коллегами в Новом Свете, и наемный убийца по кличке Сталин, преследующий Пасюка. Всем троим поневоле придется стать центральными фигурами секретного проекта «Зверобой», предназначенного для массового уничтожения атлантов. Новое оружие интересует слишком многих, и российские контрактники оказываются в смертельной опасности. Им приходится сражаться не только с инопланетными штурмовиками, но и с теми, кто жаждет получить хотя бы минимальную информацию о «Зверобое».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090861-5

© Шалыгин В.В., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

● ПРОЛОГ ●

Большая черная машина подкатила прямо к трапу «Джамбо-джета». Ничего хорошего это событие не предвещало. И тот факт, что у машины самые обычные номера, но при этом глухая тонировка всех стекол, тоже тревожил. Но худшим из всех признаков следовало считать появление машины в самый последний момент, за пять минут до вылета чартера А-517 в заокеанские дали.

Пассажир из машины выбрался один и самостоятельно, водитель не бросился распахивать дверь и раскрывать над ним зонтик. Но это не умаляло достоинств гостя, вернее, его полномочий. Как не обманывала и его заурядная внешность.

Человек в черном плаще быстро поднялся по трапу и, будто бы не замечая никого вокруг, двинулся в сторону ещё одной лестницы, на второй этаж авиалайнера. Но в верхнем салоне «Боннга-747» человек тоже не задержался. Он прошел напрямиком в кабину.

Командир воздушного судна встретил гостя настороженным взглядом. Человек в черном плаще вместо приветствия или объяснений показал пилоту служебное удостоверение и вручил

гербовый пакет. Пока командир читал, гость терпеливо ждал, разглядывая интерьер кабины.

— Всё ясно, — командир отдал бумагу второму пилоту.

Тот пробежал взглядом по тексту и сложил документ обратно в конверт.

— Повторю ключевые моменты, — без особых интонаций сказал гость. — Операция «Зверобой» проводится Министерством обороны. На время полета борт полностью переходит в подчинение Главного разведуправления. Это значит, что никакие другие ведомства не могут вносить коррективы в ход операции. Пункт назначения, как видите, изменен, но формально вы по-прежнему вылетаете в Сиракьюс, штат Нью-Йорк. Курс вы смените только на последнем отрезке пути.

— Вы извините, это всё понятно, но... меня беспокоит пункт «сброс изделия». Как увязать ваши планы с безопасностью полета? Если вы заметили, мы на борту обычного самолета, а не бомбардировщика.

— Я это заметил, — гость сохранил непроницаемую маску. — На борту находятся наши специалисты. Сброс изделия на подлете к пункту назначения — их забота. Они уже решили технические задачи и проследят за тем, чтобы эта фаза операции прошла без сбоев и максимально безопасно. А увязан этот момент будет с выпуском шасси. Это всё, что вам нужно знать о технической стороне операции.

— Хочется верить, — проронил второй пилот. — Но всё-таки. Почему не использовали

военный самолет? Или это нам тоже знать не обязательно?

— В принципе — да. Но я отвечаю. Во-первых, чтобы не привлекать внимание друзей-конкурентов китайцев. Во-вторых, чтобы не поднялся шум в мировой прессе, что мы проводим испытания секретных изделий почти на суше. На чужой суше. В-третьих, если что-то пойдёт не так, ваши пассажиры заменят подразделения, дислоцированные в заданном районе.

— В предписании сказано, что «Зверобой» это новое оружие исключительно против атлантов. Вы не уверены в этом? Он всё-таки может быть опасен и для людей?

— Пока неизвестно. Да, «Зверобой» должен убивать лишь тварей, но кто знает? Как говорят строители и лучники, «не стой под стрелой». Командование на месте получило приказ увести большую часть гарнизона подальше от района испытаний. Будем надеяться, уйти успеют все. И гражданские не станут артачиться, эвакуируются дисциплинированно.

— А если кто-то останется?

— Это будут их проблемы. Помните, в целях конспирации — никакой связи даже по шифрованным каналам.

— Всё ясно, сделаем, — подытожил командир.

— Удачи, — гость коротко кивнул и покинул кабину.

Чуть позже командир привстал и выглянул в иллюминатор, чтобы проводить взглядом отъезжающую черную машину, а второй пилот в это

время украдкой достал смартфон, ткнул в зеленую иконку программы обмена сообщениями, быстро напечатал лишь одно слово и выключил телефон.

— Галифакс, — опустившись в кресло, прооронил командир, будто бы каким-то невероятным образом читая отправленное вторым пилотом сообщение. — Ты бывал в Галифаксе?

— Нет. Разве он не утонул?

— Затоплен полностью. Но одноименный аэропорт уцелел. Ладно, Сережа, готовимся к взлету. Путь всё равно неблизкий. И, чувствую, непростой. Удача, как пожелал этот товарищ из ГРУ, нам наверняка пригодится.

Грачев

Дождь зарядил в ночь на воскресенье и монотонно барабанил по крышам вот уже трое суток. Под его унылый ритм как-то незаметно закончился сентябрь, а затем растворился в лужах и первый день октября. Утешало лишь то, что все три дня температура держалась в районе плюс пятнадцати и почти не было ветра. Вполне комфортная погода. Не хорошая, но и не плохая по нынешним временам. А что сыро... не страшно.

Где теперь вообще сухо? В аравийской пустыне? Да, если сравнивать с центром и востоком США. На самом деле теперь и в пустынях частенько идут дожди. Климат на Земле после Атлантического инцидента и Потопа изменился до неузнаваемости. Как и сама Земля.

Егор вздохнул. Он уже не помнил, что такое хорошая погода. Да и какой была Земля всего-то несколько лет назад, он помнил плохо. Нет, в целом студент Егор Грачев на память не жаловался. Память оставалась цепкой и вмещала приличные объемы информации. Вот только очень многое не хотелось вспоминать.

В шаге от дверей метро Егор встряхнул капюшон и скользнул взглядом по крупной наклейке справа от входа.

«Гуманитарная миссия — выбор равнодушных» и телефон. А чуть ниже ещё один стикер — картинка в стиле плакатов столетней давности. Добродушного вида медведь с армейским жетоном на шее выхватывает буквально из-под носа у мерзкой зеленоватой твари мокрого белоголового орла. И тоже телефон.

Вся эта наглядная агитация считалась народным творчеством, но телефоны в ней указывались реальные. По первому номеру все желающие дозванивались в офис Федерального Гуманитарного агентства при МЧС, а по второму — в единую диспетчерскую службу военкоматов. И желающих, между прочим, находилось немало. Кому-то хотелось подзаработать, кого-то влекла романтика великой битвы за планету, а кто-то и впрямь был равнодушен к постигшей полмира трагедии.

И те, и другие, и третьи имели все шансы получить желаемое. За службу в «мокрых точках» хорошо платили как бойцам МЧС, так и контрактникам. И мрачной романтики там было хоть отбавляй. А всевозможным служащим государственных и частных контор, занятым восстановлением порядка, расчисткой и строительством на полузатопленных территориях, ещё и выпадал шанс начать новую жизнь.

Поначалу этот шанс считался сомнительным призом, но постепенно общественное мнение

стало меняться. Егор подозревал, что не без молчаливого согласия властей. Ведь сложно придумать лучший способ контролировать территорию, чем заселить её своими гражданами. Вон, китайцы давно это поняли и рассосались по всему миру задолго до Потопа.

В метро у Егора на миг возникла иллюзия, что ничего не изменилось. Те же эскалаторы, кафель, лампы, вагоны и сотни рекламных наклеек. Только народу поменьше, чем бывало прежде в это же время суток. Грачеву не просто удалось сесть, у него ещё и выбор имелся.

Егор уселся на короткий диван в конце вагона и достал телефон. Пятьдесят минут он мог с чистой совестью посвятить изучению новостей. Не очень-то хотелось, лучше бы подремать, но привычка — вторая натура.

Заставка на экране, как обычно, оказалась не той, что была вчера. Нет, телефон работал нормально, никакие вирусы в нем не хозяйничали. Это было делом шаловливых ручонок младшей сестры. Когда Егор приходил домой и валился без сил на кровать, Натаха обязательно забиралась в его телефон, играла и что-нибудь меняла. В последнее время почему-то повадилась ставить на заставку семейные фото.

Сегодня это был кадр полугодовой давности, Грачев как раз вернулся из армии. Мама, Егор в военной форме, две младшие сестры и братишка. Снимок сделала Танюшка, соседка и бывшая одноклассница, тайно вздыхавшая по Егору ещё с детского сада.

На фото Грачев выглядел таким же усталым, но более упитанным, чем сейчас. В остальном же он ничуть не изменился. Чернявый, голубоглазый, крепкий, хотя далеко не шкаф. По лицу видно, что неглупый, вероятно студент, и это была чистая правда. И то, и другое.

Да, в свои двадцать три, когда многие уже имеют диплом, Егор учился лишь на третьем курсе. Но на то имелась известная многим студентам причина. После Потопа отсрочки отменили и служить пришлось всем, даже ярым «косарям». Егор к таковым не относился, поэтому без проблем отслужил год срочной, а после ещё год по контракту в Европейской гуманитарной миссии.

Служба и контракт мало отличались по роду деятельности. Все два года Егор чистил от мусора братскую Германию. Ничего героического. Разве что пару раз видел атлантов на балтийском побережье, но стрельнуть по ним так и не получилось.

Возможно, такой шанс выпал бы чуть позже, ведь как раз к моменту увольнения Грачева начались стычки с тварями не только в американских болотах, но и на европейском берегу. Произошло такое лишь дважды, но прецедент, как говорится, был создан и закреплён. Однако Егор продлевать контракт не захотел, вернулся домой. Нет, конечно же, не потому, что испугался. По семейным обстоятельствам. Заболела мама. И поскольку отец загадочно пропал ещё до Потопа, забота о ней, двух младших сестрах и братишке теперь полностью лежала на плечах Егора.

Пришлось Грачеву перевестись на заочный и пойти на две работы: складским учетчиком на продбазу и дежурным санитаром в лагерь беженцев. Денег всё равно едва хватало, лекарства стоили дорого и были в дефиците, но что оставалось? Найти ещё одну работу? Попытка «поднять» хоть что-то в Сети провалилась, в новом мире этот вид заработка перестал приносить нормальный доход. Оставалась третья работа — суточное дежурство по выходным, но и с ней, похоже, не складывалось.

Сегодня Егор как раз возвращался после суток и ещё двух смен подряд. Едва живой. Продержаться в таком круговороте светило месяца два от силы. И тут не помогут никакие внутренний стержень и армейская закалка. Характер характером, а организм не обманешь.

Грачев поймал себя на том, что вновь тупо смотрит на погасший экран. Полистать новостные ленты ему никак не удавалось. Пробовал каждый день, уже из принципа, но не получилось ещё ни разу. Но и дремать он опасался. Провалишься, проспишь свою остановку, потеряешь время. А оно надо? Утром ведь снова на работу, а ещё позаниматься бы, учебники полистать. Хотя бы для очистки совести.

Егор сунул телефон в карман и окинул взглядом вошедших на очередной остановке. Народу прибьюло, и пришлось подвинуться, чтобы рядом села пожилая женщина. Поезд в этот момент тронулся, и женщина неловко навалилась на Егора. Ничего страшного, но локтем она несильно дви-

нула Грачеву в бок. И попала в то место, где до сих пор был один из трёх достаточно свежих шрамов. Один располагался на боку и два розовели на груди.

Егор поморщился, но не пикнул. Женщина заметила, что доставила соседу проблемы, и вопросительно взглянула на Егора. Тот слабо улыбнулся, покачал головой, «всё нормально», и уставился в окно межвагонной двери.

Ситуация со шрамами стала чем-то вроде иллюстрации спорного на первый взгляд утверждения, что память поддается настройке. Грачев точно знал, откуда взялись шрамы, но категорически не хотел вспоминать об этом. То есть фактически получалось, что ничего не помнил. Такой вот парадокс.

Впрочем, ничего парадоксального. Егор никогда не врал маме, но отвечать ей, откуда взялись шрамы, не поворачивался язык. Зачем расстраивать, она и так болеет. Вот и убедил себя, что ничего не помнит. Да, получил в армии, но где и как, от чего — ноль. В памяти остались только бесконечные разборки завалов. Может, шрамы от производственной травмы? Мама сначала не верила, но после поняла, что заставляет сына мучиться, и оставила эту тему в покое.

Боль отпустила в тот момент, когда затертый голос объявил, что следующая остановка как раз та, что нужна Егору. Спасибо пожилой соседке, уснуть и проехать мимо не получилось.

Грачев поднялся и заранее пошел к выходу. К двери была прилеплена необычная круглая

наклейка с эмблемой строительной компании «Новый Свет». По кругу сверху шел лозунг: «Мы восстанавливаем будущее», а внизу, как всегда, значился телефон. Егор слышал, что в этой компании за один день вахты платят на порядок больше, чем он зарабатывал, убиваясь в три смены. Но, как и в остальных случаях, имелась проблема. Надо ехать за океан. То есть оказаться ещё дальше от семьи, чем Грачев находился во время службы. Такое вот принципиальное противоречие между возможностями и потребностями.

«На самом деле компромисс где-то рядом, я чувствую, — думал Егор, выруливая на дорожку от метро к дому, — но где он... не работает голова... пустая сейчас, как барабан!»

Егор свернул во двор и едва успел затормозить, чтобы не очутиться под колесами большой немецкой машины. Машина тоже затормозила, хотя и не с такой прытью, как Грачев. Авто выглядело подозрительно новым, но сидевший за рулем человек определенно не имел возможности купить его у официальных дилеров Калужского завода. Значит, этот «бумер» был хорошо восстановленным «утопленником» из Европы. Сомнительное приобретение, но лично Егору не светило даже такое. А за рулем между тем сидел его ровесник, самый известный в квартале жучила Сёма Пасюк.

— Грач, ты заснул на ходу, да?! — Семен опустил стекло и уставился на Егора с выражением крайнего недовольства на свиноподобной физиономии.